

Глубокий сад, морозящий дождь, белые лепестки груши, аромат плывет по узким тропкам к Острову Ясной Луны.

Несколько нежных белых лепестков, кружась в весеннем ветре и косом дожде, опускаются на резные перила, выкрашенные в багрянец, и плавно скользят по зеркальной глади воды, исполненной весенней нежности. Перед перилами — недоигранная партия, черные и белые камни в беспорядке рассеяны по доске, на них осыпались лепестки груши. Рядом с доской стоит остывшая чашка чая, в изумрудной влаге которой лениво покачивается лепесток.

Дым над чаем в драгоценном треножнике уже рассеялся, в тишине у окна затихла игра, и пальцы на доске еще хранят прохладу.

Прислонившись к руке, на столе уснул юноша. Его густые волосы, подобные разлитой туши, небрежно собраны и струятся по тонкой спине. Худенькое тело мерно вздымается в такт дыханию, словно у спящего котенка. Половина лица, открытая взору, сияет нежным фарфоровым блеском. Лепестки, словно очарованные красотой, шаловливо кружась, опускаются на его изящные белые уши и волосы, боясь потревожить сон прекрасного создания.

— М-м... — мягко промычал юноша, пошевелился и открыл лицо, ослепляющее своей красотой. Под изящными бровями — глубокие черные линии, очерчивающие восхитительный разрез глаз, прямой тонкий нос и пухлые розовые губы. Линия губ влажная, чуть приоткрытая в манящем полудреме. На лице, подобном безупречному нефриту, читается невинное очарование. Юноша нахмурил тонкие брови и медленно открыл глаза, похожие то ли на россыпь звезд, то ли на густую тушь. В этот миг казалось, что распустились цветы.

Чжоу Бай открыл глаза, чувствуя, как голова раскалывается от боли. Он услышал резкий, хаотичный металлический звон:

— Динь! В связи с обнаружением нарушений правил носителем под номером 0216 в городском мире, Главная система приняла решение запечатать 99,99% физической силы, 100% духовного корня и 99% духовной энергии. Объект переносится в карательный мир уровня В.

Чжоу Бай закрыл глаза, ощущая пустоту и слабость в даньтяне. Лишь слабые нити энергии, чужеродной его собственной системе, бесцельно блуждали по меридианам. Из-за печати на духовном корне тело казалось ему абсолютно бесполезным. Проверив состояние организма, Чжоу Бай с усмешкой покачал головой и принялся поглощать сюжет и описание задачи, переданные системой.

Через десять минут он открыл глаза и дернул уголком рта. В этот раз он — главный герой мира, Хуа Юйтан, нелюбимый третий сын в резиденции Правого канцлера, признанный первой красавицей Поднебесной.

И более того... это роман в жанре тотального подчинения.

Хуа Юйтан, невидимый для всех обитателей резиденции, из-за своей наивности и трусости терпел бесконечные унижения. Когда все домочадцы должны были отправиться на банкет в честь дня рождения императора, он хотел спрятаться, но его старшая сестра, терзаемая завистью к его красоте, подставила ему подножку, надеясь опозорить его на людях.

Однако она не ожидала, что это падение сделает Хуа Юйтана знаменитым на весь мир. Это стало началом его трагедии: отец и сводный брат обратили на него внимание, превратив невинного юношу в инструмент для удовлетворения своих желаний. Император, увидев его на банкете, не смог забыть и под предлогом забрал во дворец, сделав своей наложницей. Хуа Юйтан страдал от одержимости императора, ревности наложниц и опасений Вдовствующей императрицы. В своем одиночестве он полюбил холодного, но единственного, кто был с ним нежен, — маркиза Сюэи. Но вскоре он случайно узнал, что маркиз лишь использовал его доверчивость и любовь императора, чтобы подобраться ближе и подсыпать яд для захвата власти.

Когда его сердце окончательно очерствело, его похитил глава Секты Демонов, привлеченный славой первой красавицы. Затем Хуа Юйтана ждали глава альянса боевых искусств, стражи секты, странствующие рыцари, музыканты и лекари. В конце концов, после бесконечных издевательств, предательств и унижений, изуродованный и сломленный, он бросился со скалы. Весь текст был наполнен описаниями плотских утех, от которых бросало в жар. А Чжоу Бай оказался в сюжете как раз в тот момент, когда начинались все эти события.

Чжоу Бай усмехнулся. Похоже, проверка системы прошла успешно, и даже с запечатанными способностями он готов принять этот вызов.

Он сел и, лениво опершись на резные перила, посмотрел на свое отражение в воде: кожа как нефрит, черты лица словно с картины.

Красавец в воде едва заметно улыбнулся, и казалось, что даже весенний пруд был поражен этой красотой, его блики смешались с улыбкой, от которой кружилась голова. Такое лицо — это определенно проблема, подумал про себя Чжоу Бай.

— Боже мой, ты только не испорти это лицо! — внезапно появилось Сяо Бай. — В этот раз твое задание напрямую связано с этой внешностью!

— О? И какое же задание?

— Так как это карательный мир, заданий три: первое — сохранить эту божественную внешность и целомудрие тела; второе — отомстить всем, кто предал Хуа Юйтана; третье — получить титул Праведного генерала, чиновника или Роковой красавицы. И ты должен действовать строго по карте Хуа Юйтана: резиденция канцлера — Императорский дворец — Княжеская резиденция — Секта Демонов — Цзянху, — Сяо Бай с тревогой посмотрел на него. — И еще, в этот раз Главная система не стала менять имя персонажа на твое.

Чжоу Бай промолчал. Мир уровня В, но условия оказались на редкость суровыми.

Он протянул руку и взял чашку с сине-белым узором. Глядя на свои пальцы, которые были белее и прозрачнее фарфора, он легко улыбнулся:

— Не думал, что спустя три тысячи лет мне снова пригодится Сэн, не раз спасавший меня в прошлом.

— Что ж, тогда валяйте. Кто сказал, что без духовной силы я стану беспомощным?

Внезапно во дворе послышался шум. Служанка Чжэньчжур вбежала с испуганным лицом:

— Молодой господин... пришла старшая госпожа...

— Чего ты боишься? — мягко улыбнулся Хуа Юйтан. — Пусть приходит.

Как только он закончил говорить, внутрь грациозно вошла девушка. На ней был персиково-красный жакет с золотыми нитями и красная юбка с цветочным принтом. Золотая заколка с жемчугом и нефритом покачивалась в ее густых волосах. Девушка была красива, но рядом с Хуа Юйтаном в его белых одеждах она казалась вульгарной и притворно умной.

На ее лице читалась тень недовольства. Она нервно теребила платок пальцами с красным лаком и, закусив губу, произнесла:

— Отец и брат хотят тебя видеть, послезавтра придешь в главный дом.

Она бросила на Хуа Юйтана тяжелый взгляд и развернулась.

— ...

Чжэньчжур засомневалась:

— Она никогда раньше не оставляла молодого господина в покое так просто... И с чего бы отцу и старшему брату звать вас через нее? Не замышляет ли она чего?

Хуа Юйтан нежно потянул ее за рукав:

— Сестрица Чжэньчжур, она ведь... она моя сестра, не причинит мне вреда.

— Господин! Как вы можете забыть, что она сделала на банкете?! — Чжэньчжур сжала зубы, глядя в его влажные, полные доверчивости глаза, и не смогла продолжить. — Ох, господин, вы такой наивный! Нужно быть осторожнее!

— Знаю-знаю, — глаза Хуа Юйтана превратились в сладкие полумесяцы. — Сестрица Чжэньчжур самая добрая ко мне.

Лицо служанки вспыхнуло, она прикрыла глаза рукой:

— Господин, опять вы так улыбаетесь! Если я потом ни на кого не смогу смотреть, это будет ваша вина! — проворчала она, краснея.

— Ха-ха-ха!

Маленький дворик наполнился радостным смехом юноши и возмущенным ворчанием девушки. В этот миг лепестки груши танцевали в воздухе, и время словно замерло.

Чжоу Бай смотрел вслед уходящей Чжэньчжур, и его невинная улыбка постепенно становилась шире. Лицо, которое мгновение назад было полно весенней нежности, теперь напоминало острый, холодный меч.

— Верная служанка, — тихо прошептал он, а затем усмехнулся. — А старшая сестра довольно забавна, еще совсем девчонка. Прибежала предупредить, добрая душа. А ведь я собирался начать именно с тебя. Похоже, планы придется пересмотреть.

— Сяо Бай, приготовься, сегодня ночью пойдем собирать травы, — распорядился Чжоу Бай.

— Позвольте мне в этом ином мире снова сделать имя Повелителя Ядов вашим кошмаром, — его глаза потемнели. — Как же я по этому соскучился...

Два дня спустя.

Хуа Цзинжань стоял у входа в Северный сад, глядя на юношу, прислонившегося к дереву груши. Он никогда раньше не обращал внимания на этого брата. На мгновение он замер, а затем его губы тронула презрительная улыбка: пусть он первая красавица, но Хуа Юйтан — лишь пустая оболочка, красивая снаружи, но гнилая внутри.

Он подошел ближе и заметил книгу в руках юноши, испещренную пометками. Хуа Цзинжань с любопытством заглянул в нее и был поражен: этот простак писал таким каллиграфическим почерком — твердым, как железо, и изящным, как серебряный крюк. В каждой строке чувствовалась ледяная мощь меча.

Он начал читать внимательнее.

Чем дальше он читал, тем больше погружался в текст. Старший сын резиденции, один из четырех великих талантов, был очарован этими комментариями. Глубокие познания, широта

кругозора и дерзкий взгляд на вещи превосходили оригинал в разы!

Хуа Цзинжань, сам того не осознавая, опустился на землю рядом с Хуа Юйтаном.

Наступил вечер. Вороны с карканьем кружили в кроваво-красном закате. Хуа Цзинжань очнулся, закрыл книгу и поднял глаза. Он встретился со взглядом, в котором, казалось, отражалась вечность, рождение звезд и круговорот всего сущего.

Хуа Цзинжань почти забыл, как дышать. Он увидел, как глаза юноши изогнулись, и услышал голос, чистый, как звон струн:

— Старший брат.

Кровавый закат окрасил лицо Хуа Цзинжаня в густой багрянец.

Всё, что он запомнил позже, — это как он в смятении бежал прочь под тем ослепительным закатным солнцем.

С того дня Чжоу Бай с удивлением обнаружил, что Хуа Цзинжань преследует его повсюду. Утром, открыв окно, он видел его у ворот сада; в полдень — он снова стоял под грушей. Даже когда Чжоу Бай уходил за травами, он встречал брата семнадцать-восемнадцать раз.

Так продолжалось несколько дней. Чжоу Бай не ожидал, что несколько замечаний на полях вызовут у брата такое навязчивое внимание. Поначалу он пытался здороваться, но Хуа Цзинжань краснел, терял дар речи и убегал. В конце концов Чжоу Бай махнул на него рукой: в конце концов, брат наверняка откладывал встречу с главой дома, давая ему время на сбор сил. Стоит ли его поблагодарить? Чжоу Бай вертел в руках фарфоровый флакон, его улыбка была чистой и невинной, как у ребенка.

Ночь. Лунный свет проникал в комнату, очерчивая холодным сиянием фарфоровый профиль Чжоу Бая.

— Мы смотрим на одну луну, но не слышим друг друга, желаю, чтобы лунный свет озарил тебя, — раздался внезапно мужской голос, нарушив тишину.

— Даже если луна прекрасна, перед твоим сиянием она блекнет.

Человек в синем одеянии грациозно спрыгнул со стены, помахивая веером.

— Я Су Лэн, мое почтение, — из-за веера блеснули загадочные и нежные глаза. — Первая красавица Поднебесной.

<http://bllate.org/book/19863/1955349>